

50АМО

Посадочный талон

Владимир Прягин

— Просыпайся, земляк. Приехали.

Вадим разлепил глаза и посмотрел на таксиста. Тот был хмур, небрит и немолод; узловатые пальцы нетерпеливо барабанили по рулю с бордово-синей оплеткой. На лобовом стекле виднелись разводы — «дворники» неудачно растерли там что-то липкое.

— Сколько с меня?

— Три семьдесят.

Извернувшись в кресле, Вадим достал из брючного кармана пятирублевку:

— Сдачи не надо.

Таксист взглянул с уважением и аккуратно сцапал бумажку. Вадим открыл дверцу и на секунду замер, уставившись на фасад аэровокзала.

— Ты терминалы не перепутал?

— У нас их, по-твоему, что — десяток? Это ж, блин, не Москва. Ты сказал — к залу вылета, вот я и привез.

— Угу, я просто давно тут не был... — Он выбрался из машины. — Ладно, сориентируюсь как-нибудь...

Лимонная «Волга», плюнув на прощание выхлопным газом, рванула с места. Вадим посмотрел ей вслед и пошел к дверям терминала. Солнце светило ярко, было градусов восемнадцать, но осенний привкус уже ощущался в воздухе. С севера подползала туча, похожая на грязный ком стекловаты.

В зале народ гомонил на разные голоса, царило нервное предотлетное возбуждение. Очереди виляли хвостами перед стойками регистрации. Тетка с двумя клеенчатыми безразмерными сумками едва не сшибла Вадима с ног.

Он тихо ругнулся и отошел к окну. Достал из кармана куртки кассетный импортный диктофон, поднес его к уху и нажал кнопку — та вдавилась с негромким всхлипом. Голос Виктора зазвучал сквозь шуршание пленки.

«Я понятия не имею, Вадик, в каком именно виде все это перед тобой предстанет. Не уверен даже, что ты сразу сумеешь вспомнить, зачем ты там оказался. Специально на этот случай мы принимаем меры. Эту запись я сделал в твоём присутствии. Она воспроизведется, когда ты будешь на месте. Если, конечно, мои прикидки верны. Ты снова услышишь мой монолог, и это, надеюсь, тебе поможет. Учитайвай, что, оказавшись там, ты принимаешь местную логику. Вписываешься в пейзаж, так сказать. Все необходимое — при тебе...»

Вадим нажал на паузу и задумался. Пока что реализовывался не самый худший сценарий. Память сохранилась в полном объеме, и запись можно было бы вообще не включать. Но голос на пленке действовал успокаивающе — Виктор с его занудно-преподавательским тоном производил впечатление человека, который умеет рассуждать здраво. Ну еще бы — два высших образования,

ФАНТАСТИКА

причем не абы каких: Бауманка и заочно оконченный философский факультет МГУ.

Узнав про второй диплом, Вадим, помнится, долго ржал и допытывался — на кой, собственно, ляд? «Для души», — ответил бывший одноклассник с достоинством и конечно же немедленно выпил...

Положив диктофон на подоконник, Вадим принялся методично обшаривать карманы. Билет нашелся в правом нагрудном — разграфленный листок с эмблемой «Аэрофлота».

Желтое поле, где указывался пункт назначения, было заполнено от руки — таким криптографическим почерком, что позавидовали бы даже врачи из городской поликлиники. Вадим кое-как разобрал: Москва. Закорючка в скобках должна была, по идее, обозначать конкретный аэропорт, но расшифровке не поддавалась в принципе. Домодедово, Шереметьево, Внуково? Или какое-нибудь Быково? Номер рейса вообще отсутствовал.

Вадим почесал в затылке и, пробившись через толпу, остановился перед информационным табло. Оно оказалось сломано. Белые буквы в ячеистых черных строчках складывались не в названия городов, а в дичайшую абракадабру: щпобльмвайт... Казалось, кто-то споткнулся и рассыпал тут алфавит. Та же картина — с цифрами, которые должны были обозначать время вылета.

Странно, но остальных пассажиров и сопровождающих неисправность не волновала. Они, рассеянно мазнув взглядом по алфавитно-цифровой мешанине, шагали дальше, словно не нуждались в подсказках.

Вадим огляделся в поисках справочной. Соответствующее окошко имелось, но было закрыто наглухо. Может, это намек, что надо действовать проще? Использовать размытость параметров, чтобы получить преимущество?

Он подошел к регистрационным стойкам — у одной из них как раз оформляли тех, кто летел в столицу. Вадим пристроился в хвост. Очкастый мужик в плаще, стоящий перед ним, читал «Крокодил». Видна была карикатура на треть страницы — двое бомжей, копясь в мусорном баке, ведут беседу: «А сам-то ты, Петрович, за какую модель перехода к рынку?»

Очередь продвигалась неспешно, и Вадим опять включил диктофон.

«Вспомни ситуацию, Вадик. Продукты исчезают с прилавков, но дело даже не в этом. Прежняя жизнь заканчивается — это чувствуют если не все, то многие. В некоторых изданиях уже почти в открытую пишут, что советская власть себя исчерпала. А ведь «Буря» взлетел всего пару лет назад! Космический челнок и пустые магазинные полки — такие контрасты теперь повсюду. Страна стоит на распутье, и что будет дальше, никто не знает...»

— Подходите, товарищ.

Полноватая дама с обесцвеченными кудряшками глядела на него из-за стойки. Он, спохватившись, протянул свой билет.

— Ставьте багаж на ленту.

— Я належке.

Она посмотрела с недоумением, но от комментариев воздержалась. Вернула билет — уже проштампованный и с оторванным краем. Кроме того, Вадим получил бумажный прямоугольник с бурой каймой:

— Ваш посадочный талон.

— Большое спасибо. А почему тут рейс не проставлен? И номер выхода? И еще я хотел узнать...

— Там указано все, что нужно.

— Ну как же? Вот, сами взгляните — прочерк...

— Товарищ, — сказала дама проникновенно, чуть повышая голос, — вы задерживаете очередь. Вас много, а я одна.

За его спиной утвердительно загудели — действительно, мол, задерживает. Вадим вспомнил замечание Виктора, что местную логику следует принимать, и прекратил расспросы. Ясности пока не прибавилось; с другой стороны, было бы наивно рассчитывать, что вопросы снимутся сразу.

Он обошел зал ожидания по периметру. Все места были заняты; люди дремали, придерживая ручки сумок и чемоданов. В дальнем углу несколько человек, подстелив газеты под голову, спали вповалку прямо на холодном полу.

Аэровокзал обветшал и давно нуждался в ремонте. Штукатурка со стен отваливалась, и прорехи темнели как застарелые язвы; плиты под ногами трескались и крошились. Со стороны сортира волнами напознала затхлая тяжелая вонь.

Стремянка для малярных работ — коряво сколоченная, заляпанная краской донельзя и бесславно забытая — приткнулась в простенке между двумя нематыми окнами. Похоже, мысль о ремонте все-таки посещала местных чиновников, но надолго не задержалась.

— ...! — могучий матерный возглас прорвался сквозь общий гомон. — Че за дебилы здесь эту хрень поставили?!

Парень лет двадцати рассерженно пнул стремянку. Рукав его серого, чуть блестящего пиджака был безобразно продран, виднелись ключья подкладки.

— Не, ну прикинь, Колян? — рычал пострадавший, обращаясь к приятелю, который топтался рядом. — Тут гвоздь торчит, а я об него... Упыри, мля... Меня в Москве серьезные люди ждут — и че, я к ним в таком виде?!

— Как прилетишь — в магазин заедешь, — флегматично сказал Колян.

— Да не успею, бляха! Время — чисто впритык...

— Ну, тогда вон — пойдй приценись...

Колян кивнул на палатку кооператоров — там висели варенки, футболки с англоязычными приложениями и малиновый двубортный пиджак с блестящими пуговицами.

— Ты че, серьезно?

— А фиг ли?

Вадим, отвернувшись, подумал, что оставаться в этой толпе нет смысла. Разумнее будет сразу пройти досмотр и обосноваться у выходов на посадку — их, если память не изменяет, всего три штуки, поскольку аэропорт небольшой...

Шагая, он вслушивался в голос на пленке.

«Ты знаешь, Вадик, что такое гипостазирование? Это когда абстрактные сущности рассматриваются как

материальные вещи. Ну, например, социальная справедливость — представь, что она лежит где-нибудь на складе, расфасованная в брикеты. Или историческая развилка — овецим ее, вообразив некий транспортный узел, аэропорт...»

Досмотр ничем не запомнился — через считанные минуты Вадим оказался в зале с тремя выходами на летное поле. Первая дверь была заперта, зато две другие как раз открылись, и перед ними собирался народ, ожидая приглашения на посадку; оба рейса, если верить табличкам, были московские. Конкретный аэропорт не указывался, но это была уже привычная странность. Можно ведь просто подойти и спросить...

Он сделал шаг, но голова вдруг предательски закружилась, а в глазах потемнело.

Вадим поспешно присел и сделал глубокий вдох.

Спросить, похоже, не выйдет. Надо выбирать самому.

Развилка...

«Скажу тебе прямо, Вадик, я не любил советскую жизнь с ее партсобраниями, дефицитом, очередями. Но сейчас, в двадцать первом веке, я вынужден признать — именно оттуда, из советских времен, массово мечталось о будущем, в котором мне хотелось бы жить...»

Головокружение отступило. Он вытер пот со лба — и заметил, что рядом стоит пацан лет десяти-одиннадцати. Пацан был одет в футболку с изображением Брюса Ли (приобретенную, вероятно, в той самой лавке, где торговали кооператоры) и с любопытством разглядывал диктофон.

— Нравится? — спросил Вадим.

— Угу, вещь. Дорого стоит?

— Не помню уже, давно покупал. Да это ладно, не такой уж он и крутой. Вот лет через двадцать будут всякие гаджеты цифровые...

— Кто-кто?

— Гаджеты. Приборчики, в смысле. Плееры там, планшеты, смартфоны. Игры компьютерные, похожие на кино... В будущем такого добра навалом...

— Классно! А откуда вы знаете?

Вадим не успел ответить — начиналась посадка, причем сразу на оба рейса. Московские самолеты, судя по всему, должны были стартовать один за другим. Пассажиры засуетились, и пацан сообщил:

— Ну ладно, я пошел тогда. До свидания.

— Ага, давай. С родителями летишь?

— Со старшей сеструхой.

Он ткнул пальцем в сторону барышни, которая сидела метрах в пятнадцати, эффектно заложив ногу на ногу; ультракороткая юбка задралась почти до трусов. Девушка сосредоточенно рылась в сумочке, и агрессивно-модные лохмы почти скрывали лицо. «Хэштег #ябывдул... — подумал Вадим. — Ну, эта и в нашем будущем устроится замечательно...»

Хвост очереди скрыл от него секс-бомбу, и он стал снова смотреть на выходы. Мысли путались, сосредоточиться было трудно. Развилка отторгала его, но он напоминал себе раз за разом — надо выбрать верную дверь...

И наконец-то пришла подсказка.

Тетка, которая чуть не сшибла его недавно, шагнула к левому выходу. Одну из набитых сумок она по-прежнему таскала с собой — в качестве гипертрофированной ручной клади. На рынке, видать, торгует...

Он удовлетворенно кивнул.

Задержанные трудяги-челночницы — это из девяностых. С маршрута, который ему знаком...

Но сейчас ему нужно в другую сторону.

Вадим с натугой поднялся — в висках опять застучало. На ватных ногах он проковылял к той двери, что была правее. Дежурная, мельком взглянув на его талон, бросила: — Проходите.

Он переступил порог. Дальше были ступеньки, ведущие вниз, к автобусу, но Вадим почему-то медлил. Не оставило чувство, что упущено нечто важное. Он посторонился, чтобы не загораживать лестницу, и опять включил запись. Интонация Виктора изменилась, эмоции прорезались в голосе.

«Вадик, не впадай в заблуждение! Мы не меняем прошлое — это физически невозможно! Советские времена уже не вернуть — и лично я, говоря по чести, не хотел бы снова там оказаться. Смысл развилки — не в этом...»

Людской ручеек, сбегавший по ступенькам к автобусу, стремительно иссякал. Дежурная заскучала в ожидании опоздавших. Виктор продолжал говорить — уже откровенно сбивчиво и взволнованно:

«Ты же сам понимаешь, почему я обратился к тебе, школьному приятелю, а не к своим коллегам... Почему мы действуем без огласки... Если опыт все же удастся, если гипостазирование возможно... Короче, Вадик... Ты в школе был фантазером и, по-моему, остался им до сих пор... Ты сумеешь распознать главное...»

К дежурной подскочили двое парней, виденных Вадимом до этого у стремянки. Тот из них, который порвал рукав, решил все же переодеться — малиновый пиджак смотрелся на нем вполне органично. Его спутник, крепкий и бритый, был в черной кожаной куртке.

Предъявив посадочные талоны, они протопали мимо Вадима вниз. Тот проводил их взглядом в полной растерянности.

Как это понимать?

И в ту, и в другую дверь заходят явные персонажи из девяностых. То есть принципиальных отличий нет — разные самолеты, но маршрут, по сути, один...

Так в чем тогда смысл развилки?

В недрах здания раздался тоскливый скрежет, похожий на человеческий стон. Пол под ногами дрогнул, по потолку зазмеилась трещина. Похоже, эксперимент подходил к концу.

Пленка продолжала крутиться.

«Повторяю — прошлого не изменишь, оно уже состоялось. Но вдруг еще можно вернуть то будущее, которое выдилось нам из этого прошлого? Я очень надеюсь, Вадик...»

Желающих пройти на посадку больше не наблюдалось.

Дежурная собиралась захлопнуть дверь, но замешкалась, увидев Вадима.

— Мужчина, чего вы здесь? Спускайтесь к автобусу.

Секунду помедлив, он сказал:

— Нет, я не лечу. Позвольте, я выйду...

— То есть как это — не летите?

— Не тот самолет.

Он снова шагнул в предотлетный зал.

И понял — он, Вадим, не единственный, кто проигнорировал оба рейса.

Пацан в кооперативной футболке стоял в проходе между рядами кресел, а рядом стояла его сестра, лицо которой Вадим наконец сумел рассмотреть. Она улыб-

ФАНТАСТИКА

нулась приветливо и спокойно — и эта улыбка, словно по волшебству, изменила весь ее облик. Даже наряд ее казался теперь не глупо-вульгарным, а очаровательно-хулиганским.

— Решили остаться? — спросил Вадим.

— Нет, — качнула она головой. — Даже если хотели бы, не получится. Аэропорт скоро весь развалится.

И правда — пол вздрагивал все заметнее, но здание советской постройки еще держалось.

— Да вы не бойтесь, — сказал пацан, — третий выход сейчас откроют.

— А куда будет рейс?

— Туда же, куда и два предыдущих, — пожала плечами барышня. — Но с него пересадку потом удобнее делать. Если надо дальше лететь.

Вадим подумал — ну да, об этом Виктор и говорил. Прошлое уже не изменится — девяностые, нулевые, десятые... А вот дальше...

— Как думаете, меня с вами пустят? — спросил он девушку.

— А посадочный талон у вас есть? Ага, вижу. Он, если не ошибаюсь, универсальный, на любой рейс. Так что все нормально.

Тут снова встрял пацан:

— Вы мне в самолете еще про игры расскажете? Про компьютерные.

— Мечтаешь поиграть?

— А то!

— Что, прямо больше всего на свете? — уточнил Вадим.

— Не... — ответил малой, подумав. — Больше всего хочу в ГСП.

— Чего-чего? Поясни.

— Ну, в Группу свободного поиска, как Максим Каммерер в книжке. Чтобы планеты новые изучать.

Дежурная прошла мимо них и распахнула третью дверь. Вадим вспомнил, что так и не выключил диктофон. Приложил динамик к уху, прислушался — голос еще звучал.

«Отправиться дальше с теми, кто мечтает в правильном направлении, — в этом я вижу смысл. Это и есть развилка. Удачи, Вадик...»

Раздался щелчок, и запись оборвалась.

— Так что? — спросила девица. — Вы, значит, с нами?

— Да, — сказал Вадим. — С вами.

